

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКОВОМ ОБЛИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается состояние русского литературного языка в первой четверти XX века – сложное время смены формаций, которое имело свои «знаки», запечатленные языковыми средствами: прецедентными именами собственными, номинациями ключевых событий, новых явлений и предметов, своеобразием пространственно-временных континуумов текстов, лингво-стилистическими трансформациям единиц лексико-фразеологического уровня.

В статье последовательно проводится мысль о том, что все культурные, научно-философские, литературные и другие новации того периода в своем языковом представлении проявлялись как влияние интеллектуальных стилей и индивидуальных стилей на литературный язык.

Ключевые слова: язык эпохи, норма, стилистика, актуальность.

V.V. Ledenyeva

NOTES ON THE EARLY 20TH CENTURY LANGUAGE

Abstract. The article is concerned with the Russian literary language in the early 20th century. It was a time of political upheaval, which had its signs imprinted in such language means as precedent proper names and names of the key events, new phenomena, peculiarities of textual time and space continuums as well as linguo-stylistic transformations of phraseological units.

The author is persistent in the idea that intellectual and individual styles of the period influenced the language of all cultural, scientific, philosophical, literary and other innovations.

Keywords: language of an epoch, norm, stylistics, a urgency.

Революции 1905 и 1917 годов, падение Российской империи, смена характера власти и типа государства, Гражданская война – главные события первой четверти XX века. Это время имело свои знаки, запечатленные языковыми средствами: *буревестник, большевик, матрос, красный флаг, тачанка, белый и красный* в их противоположности, в том числе имена собственные как символы эпохи: *Николай II, Распутин, Лев Толстой, Максим Горький, “Аврора”, Зимний, Маркс, Энгельс, Ленин, Керенский*, а затем – *Чапаев, Буденный, Махно, Троцкий* и другие. Горько подмечал И.А. Бунин в «Окаянных днях» изменение жизни, культуры, сознания и духовности по чертам языкового портрета времени: «*Грузовик* – каким страшным *символом* остался он для нас, сколько этого *грузовика* в наших самых тяжких и ужасных воспоминаниях! С самого первого дня своего связалась революция с этим ревушим и смердящим *животным*, переполненным сперва истеричками и похабной солдатней из дезертиров, а потом отборными каторжанами. Вся *грубость* современной культуры и ее «социального пафоса» воплощена в *грузовике*» [1]. В том, что символом времени, отражением ее *пафоса* назван *грузовик*, приравненный к животному, с которым связана *грубость*, проявляется открытая негативная оценка автором происходившего. См. контаминацию сем в бунинской метафоре *грузовик* – *животное*: ‘1. Живое существо, способное чувствовать и передвигаться’ и ‘2. Неумный и грубый человек (разг. бран.)’ [2].

Для В. Маяковского страшнее казались символы ушедшего прошлого: «...из Леты выплывут остатки слов таких, как “проституция”, “туберкулез”, “блокада”» (“Во весь голос”. Первое вступление в поэму). «Как поправить грех грехом – тема революции», – заключал В.В. Розанов. Тема России и мирового значения трагедии, которую переживает страна, оказавшаяся в водовороте войн и революций, становится центральной для литературы и искусства этого периода и не уходит из сознания мыслящей общественности. Оценки нового и новые оценки изменившегося общественного сознания отражаются в значениях слов, в том числе коннотативных.

Жизнь социума и его культуру нельзя рассматривать в изоляции от положения дел в экономике. К XX веку Россия подходила как аграрная страна с крепким и начинавшим обновляться на основе интенсификации, внедрения первых сельскохозяйственных машин сельским хозяйством, которая производила хлеб и для продажи за границу; по росту производства опережала США – отличалась своими темпами развития промышленности. Шло строительство заводов, железных дорог, в жизнь городов входило электричество. С развитием капитализма в крестьянской стране укреплялся и набирал силу пролетариат. Перед Первой мировой войной Российская империя была одной из великих мировых держав, приобрела заслуженный авторитет государства с развитой наукой и высокой культурой¹.

Рубеж двух веков и первые десятилетия XX в. – период интенсивного развития русского модернизма, заявившего о себе в 1890-е годы, целью которого видели создание культуры, помогающей духовному совершенствованию. “Грани между поэзией и прозой, словесными видами творчества и живописью, музыкой, киноискусством, театром, эстрадой оказывались необычайно подвижными, и на стыках взаимодействий родилось немало ярких творческих открытий” [4].

В поисках духовного обновления, совершенствования русской ментальности к религиозно-нравственным исканиям обратилась широкая философская мысль выдающиеся умы России (Л. Толстой, А. Белый, В. Иванов, В. Розанов, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков, позже – И. Шмелев). “Эти русла постижения жизни стали ведущими и для талантливых художников эпохи. Не столько прямые связи между религиозной философией и литературой, сколько их совместная устремленность к одним и тем же глобальным проблемам обусловила и прояснила целостность культуры начала XX века” [5]. Пищу для формирования иных убеждений (социалистических, коммунистических) давали идеи В.И. Ленина, его соратников, а также соперников и противников по политической борьбе. Волновали и будили мысль, служа импульсом к творчеству, передовые научные взгляды В. Вернадского, А. Чижевского, К. Циолковского.

Все культурные, научно-философские, литературные и другие новации в своем языковом представлении проявлялись как влияние интеллектуальных стилей и индивидуальных стилей на литературный язык.

Не затихал голос дворянской литературы, оставившей блестящие образцы утонченного стиля в прозе и поэзии (И. Бунин, А. Блок, К. Бальмонт и др.), давшей сильный импульс дальнейшему развитию литературного языка и такого его стиля, как художественный реализм (Л. Толстой, А. Чехов, Н. Гарин-Михайловский, И. Бунин) не утратил своего места в литературном процессе, причем “рамки классической прозы XIX века оказались тесны для последующей литературы. В ней слились разные тенденции: реализма, импрессионизма, символизации рядовых явлений, мифологизации образов, ро-

¹ См., например: 1902 г. Сергей Рахманинов. Концерт № 2 для фортепиано; 1908 г. Александр Скрябин. Поэма экстаза; 1909 г. – Русский импресарио Сергей Дягилев представляет сезон русского балета и оперы в Париже. Считается началом развития русского балета; 1909 г. Василий Кандинский. Гора; 1910 г. Василий Кандинский. Первая абстрактная композиция (гуашь); Казимир Малевич. Дровосек и т. д. – Полная хронология XX века. /Авт.сост. Нэвил Уильямс. – М., 1999.

мантизации героев и ситуаций. Тип художественного мышления был синтетическим» [6]. Он отражен в текстах произведений системой метафор с абстрактным смыслом и неопределенно-символическим значением, навеваемым ассоциациями, метафор, обогащавших лексико-семантическую систему русского литературного языка. См. импрессионистский пейзаж в реалистической прозе: *Полчаса тянулся градобой и подмигивало небо, и только когда влоск легли хлеба, полил мягкий и ласковый, обидно ненужный дождь* (С. Сергеев-Ценский. Печаль полей); ср. картины реальности в прозе основателя акмеизма: *Закат в этот вечер над зелеными мелями Джебды был широкий и ярко-желтый с алым пятном солнца посередине. Потом он стал нежно-пепельным, потом зеленоватым, точно море отразилось в небе* (Н. Гумилев. Африканская охота).

Влияние иных в сравнении со второй половиной XIX в., активных, сопряженных в целом с искусством модерна, стилей отразилось не только на развитии всей системы стилей русского литературного языка, но прежде всего – художественного. В. Брюсов, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, М. Кузмин, Д. Мережковский, М. Горький играли яркую роль в русской культуре. «Началось активное сближение русской культуры с западной. Пионерами здесь были символисты. Д. Мережковский в 1907 году, осмысливая эволюцию и роль “декадентства” в России, назвал декадентов “первыми европейцами”, свободными от “рабства” западников и славянофилов, которым принадлежала заслуга создания в России культурной среды» [7].

В поэзии и прозе усиливается субъективное начало, авторов больше интересует жизнь, “рокошующая внутри нас” (М. Волошин), реальность, сотканная в духовном раскрепощении из воспоминаний, предчувствий, мечтаний, созвучная то с общественными настроениями, то с глубоко интимными переживаниями: *А там мой мраморный двойник, / Поверженный под старым кленом, / Озерным водам отдал лик, / Внимает шорохам зеленым. / И моют светлые дожди / Его запекиуюся рану... / Холодный, белый, подожди, / Я тоже мраморную стану* (А. Ахматова. Из сб. “Вечер”)¹.

Создаются своеобразные пространственно-временные континуумы, краской для изображения мира в которых становится наполненное коннотативными смыслами, «остранненное» (термин В. Шкловского) слово: *Лунные слезы легких льнущих ко льну сомнамбул. Ласковая лилейность, влюбленных в плен Липких зеленых листьев. В волнах полеты камбал, Плоских, уклонотелых. И вдалеке – Мадлен.* (И. Северянин. Лунные блики).

Это могло критически оцениваться признанными литераторами. “Я говорю о поразительной, какойто роковой оторванности всей современной молодой поэзии от жизни. Наши молодые поэты живут в фантастическом мире, ими для себя созданном, и как будто ничего не знают о том, что совершается вокруг нас, что ежедневно встречаются наши глаза, о чем ежедневно приходится нам говорить и думать”, – писал В.Я. Брюсов в статье “Стихи 1911 года” [9]. Ср.: *Сегодняшняя поэзия – поэзия борьбы. Каждое слово должно быть, как в войске солдат, из мяса здорового, красного мяса!* (В. Маяковский. И нам мяса); *Да. Так диктует вдохновенье: / Моя свободная мечта / Все льнет туда, где униженье, / Где грязь, и мрак, и нищета* (А. Блок. “Да. Так диктует вдохновенье...”).

Писатели осознавали стремление к лингвостилистическим трансформациям как художественную закономерность – даже знамение – времени. Изошренность отражалась

¹ М. Горький писал в 1900 г. в статье “По поводу нового рассказа А.П. Чехова «В враге»”: “Как стилист, Чехов недостижим, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов”. В. Маяковский бесспорно принимается художественная и языковая объективность писателя в статье “Два Чехова”: “Чехов – автор разночинцев. //Первый потребовавший для каждого шага жизни свое словесное выражение. // Безвозвратно осмеял «аккорды», «серебристые дали» поэтов, высасывающих искусство из пальца”. – См.: Русские писатели о литературном труде (XVIII – XX вв.): В 4 тт. – Л., 1956. Т. 4. – С. 191; 383.

в языковой и содержательной структуре текстов, в которых “закладывались” эстетические параллели, устанавливались интертекстуальные связи, рассчитанные на утонченного, философствующего читателя, выстраивались линии идейно-художественного взаимодействия с тематикой, проблематикой, образностью литературы предшествующих эпох, демонстрировалось тяготение к классике в высоком смысле этого слова, в том числе на уровне единиц плана выражения:

*Но Господь-Вседержитель рукою жены
Низложил всех врагов Иудейской страны.
Не от юношей пал Олоферн-великан,
Не рукою своей с ним сражался титан,
Но Юдифь красотою лица своего*

Погубила его (К. Бальмонт. Песнь Юдифи) – воспроизводится библейский сюжет мифа о Юдифи и Олоферне, для чего используются соответствующие онимы, подчеркивается связь с греческой и римской мифологией словом *титан*.

Развитие науки и философии способствовало дальнейшей, на новом историческом витке, интеллектуализации литературного языка. А бурное развитие поэзии в русле многочисленных школ и направлений, декларировавших свои правила отбора и использования языковых средств или их создания, в свою очередь, раскрывало ресурсы и демонстрировало потенциал русской языковой системы, укрепляло возможности использования языка в его поэтической (эстетической), магической функции. При этом в дальнейшем “многие черты символистского мировосприятия, установки на преобразование жизни с помощью искусства были освоены крестьянской и пролетарской поэзией, социалистической литературой 1920-х годов в целом” [10]. Речетворческая деятельность поэтов и прозаиков «Серебряного века» оказала влияние на развитие русского литературного языка послереволюционного времени и даже, как представляется, открытостью поисков – порубежья XX–XXI столетий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бунин И.А. Окаянные дни//Русские писатели – лауреаты Нобелевской премии. Иван Бунин/ Сост. А. Архангельский. – М., 1991. – С. 104105.
2. Толковый словарь русского языка//Под ред. Ушакова Д.Н. – Тт. 1–4. – М., 19351940. Эл. варт. Значения приводятся по данному источнику.
3. История русской литературы XX в.: В 4х кн. Кн. 1: 19101930 годы / Под ред. Л.Ф. Алексеевой. – М., 2005. – С. 24.
4. Смирнова Л.А. Русская литература конца XIX – начала XX века. – М., 2001. – С. 10-11.
5. Смирнова Л.А. Русская литература конца XIX – начала XX века. – М., 2001. – С. 11.
6. Колобаева Л.А. Русский символизм. – М., 2000. – С. 288; см. цит.: Мережковский Д. Революция и религия // Мережковский Д.С. Павел I Александр I. Больная Россия. – С. 687—688.
7. Брюсов В. Далекie и близкие// Русские писатели о литературном труде (XVIII – XX вв.): В 4 тт. – Л., 1956. Т. 4. – С. 299.
8. История русской литературы XX в.: В 4х кн. Кн. 1: 19101930 годы / Под ред. Л.Ф. Алексеевой. – М., 2005. – С. 27.